

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти В. М. Фриче — Ко всем членам Всесоюзного союза писателей — Секретариат РАПП. Об агентуре белорусских национал-демократов (передовая). А. Камегулов — Понятие стиля в марксистском литературоведении (тезисные наброски). А. Михайлов — О литературном наследии и учебе у «классиков». М. Ольминский — Еще раз: Щедрин и Ленин. А. Селивановский — Александр Малышкин. Н. Рыкова — Михаил Светлов. Ю. Данилин — Как работал Анатолий Франс. Арнольд Льюнгдал — Кнут Гамсун (к 70-летнему юбилею). К пленуму РАПП — повестка дня. Как мы относимся к Чехову — Ответы на анкету: М. Ольминского, Ю. Либединского, М. Кольцова, Ф. Раскольников, Е. Зозули, П. Романова, Б. Кушнера, П. Павленко и Б. Самсонова. Библиография. Отзывы о книгах: М. Платошкина, М. Козакова, В. Финка, В. Саянова, А. Архангельского, Адуева, Дм. Четверикова, Ал. Дроздова, М. Дубянской, П. Губера. Хроника.

1929 СЕНТЯБРЬ

17

МОСКВА
ГОСИЗДАТ

КАК МЫ ОТНОСИМСЯ К ЧЕХОВУ

В связи с исполнившимся 25-летием со дня смерти А. П. Чехова, редакция приняла небольшую анкету среди литераторов и политических деятелей, желая выявить их отношение к творчеству Чехова до революции и в настоящее время.

Предлагались следующие вопросы:

1. Как вы относились к творчеству Чехова до революции?

2. За последние годы читали ли вы Чехова?

3. Нужно ли сейчас продвигать Чехова к массовому читателю?

4. Какое значение имеет и должен иметь Чехов для современной художественной литературы?

М. Ольминский

Могу судить о Чехове только с политической точки зрения. Отношусь к нему в высшей степени отрицательно. В начале XX века все газеты и журналы расхваливали Чехова, и это поселило во мне скептическое отношение к нему.

В печати я пытался дать несколько раз анализ Чехова, но писать приходилось в чужой газете, и поневоле я должен был отмечать возможное толкование в пользу Чехова.

Но после выхода пьесы «Три сестры» я навсегда отказался от чтения произведений Чехова.

Я получаю «Огонек» с приложением сочинений Чехова, которые остаются лежать неразрезанными и которые, в конце концов, придется бросить в ящик для ненужных бумаг, т. к. от лица коммуниста никакому массовому читателю я их передать не могу.

Я не отрицаю таланта Чехова, но это — пустой талант.

Для писателей-литераторов можно рекомендовать учиться у Чехова, как мы рекомендуем вообще им учиться у классиков.

Ю. Либединский

До революции Чехов был одним из любимых моих писателей, и в настоящее время я продолжаю его читать.

Я считаю, что Чехова издавать надо, но не полными собраниями сочинений, а дешевыми изданиями отдельных избранных произведений.

Разоблачая полицейско-капиталистический порядок старой России, беспощадно срывая маски с действительности, Чехов совершенно не видел тех сил, которые могут покончить с ненавистным ему обществом, и отсюда своеобразное соединение скепсиса, застройного психо-

логизма и здорового разоблачительства, которое и создает творческий метод Чехова, в основе реалистический с окраской лиризма и скепсиса.

Это и определяет значение его творческого метода для современной литературы; поскольку современная действительность еще хранит глубокие следы прошлого, постольку живет и его творческий метод. Однако сейчас наследство Чехова делят те писатели, которые скептически относятся к социалистической революции, применяют в своем творче-

стве чеховский скепсис,—застойное восприятие человеческой психики, мы же, пролетарские писатели, берем у Чехова

его реализм, его разобличительство, его ненависть к полицейско-капиталистическому укладу.

Михаил Кольцов

До революции читал и знал всего Чехова, но подходил к нему с чисто-литературной, художественной стороны, слабо вникая в социальный облик чеховских персонажей и некритически воспринимая облик Чехова как «певца сумерек и хмурых людей».

В 1928 г., за год до 25-летней годовщины смерти Чехова, перечитал заново все его произведения и твердо убедился, что этот крупнейший писатель жив, реально нужен и полезен нашей эпохе.

Конечно, Чехов — хорошая и полезная пища для сотен тысяч советских читателей. В отношении его не может возникнуть и сотой доли тех споров, какие были вокруг Толстого. Миросозерцание Чехова насквозь критическое, материалистическое, позитивное. Чехов учит разглядывать и ненавидеть мещанина

и обывателя. Пусть многие чеховские герои устарели и кажутся бледными тенями. Пусть переменялось соотношение классов, все-таки многое из того, с чем боролся Чехов, еще живо, еще цветет и плесневеет. Через старое чеховское пенснэ можно увидеть многое среди окружающих нас остатков прежней жизни.

Современной советской литературе Чехов нужен как блестящий учитель формы, мастер короткого рассказа, сценического диалога, простого и многовещающего языка. Я уже писал, что наша марксистская критика должна выправить и восстановить основную сатирико-обличительную магистраль русской литературы: Горького, Щедрина и Чехова. Концы этой магистрали останутся свободными в ожидании достойных ее продолжателей.

Ф. Раскольников

Я всегда считал Чехова очень интересным писателем и с большим удовольствием читал его рассказы. Подобно тому как существует пушкинская эпоха,—80-е и начало 90-х годов прошлого века с полным основанием можно назвать эпохой Чехова, который с необыкновенной точностью изобразил быт, нравы и настроения своего времени и своего класса. Тусклая пора царской реакции, малые дела мелких людей, нытье мелкобуржуазной интеллигенции по поводу того, что «наше время — не время великих задач», уход интеллигенции от политической борьбы в обывательское житейское бытие,—все это нашло яркое и правдивое изображение на страницах чеховских произведений. Стихийный талант Чехова создал целый ряд социально-значительных произведений, как, напр., «Вишневый сад», где необычайно ярко обрисован объективный процесс перехода земли от помещного дворян-

ства в руки аграрной буржуазии. Субъективная оценка, даваемая Чеховым этому историческому явлению, не совпадает с точкой зрения пролетариата точно так же, как с ней не совпадает и вся идеология Чехова в целом. Но это не помешало тому, что произведения Чехова заслуженно вошли в железный инвентарь принятого нами классического литературного наследия.

Конечно, всячески необходимо продвигать Чехова к массовому читателю наряду с Толстым, Тургеневым, Салтыковым-Щедриным, Глебом Успенским и другими классиками нашей литературы. Но, продвигая в массы классическую литературу, необходимо воспитывать и развивать в читателе-массовике критический подход к литературным явлениям, чего мы часто не делаем. В высшей степени вредно культивировать наивно-благоговейное отношение к классикам наподобие того, какое религиозные люди

испытывают по отношению к корану, талмуду, библии.

Наша задача состоит в том, чтобы массовый читатель не только усвоил, но и преодолел классическое наследство, сумев разобраться в том, что там правильно и что неправильно, что для нас приемлемо и что неприемлемо. Необходимо обставлять издание классических произведений марксистски выдержанными статьями и комментариями, выясняющими классовую обусловленность художественного творчества того или иного писателя.

Значение Чехова для современной пролетарской литературы заключается в том, что Чехов как исключительный мастер формы, умевший писать сжатым, лаконическим, понятным языком, может и должен послужить образцом для многих писателей.

В наше время некоторые авторы питают болезненное пристрастие — род недуга — к обьёмистым, неимоверно растянутым романам с таким вялым разверты-

ванием сюжета, что даже критики, которые по роду своих занятий обязаны следить за современной литературой, не в состоянии дочитать таких романов до конца. А между тем все содержание иного «романа» легко могло бы уложиться в рамки короткого чеховского рассказа.

Учеба в школе Чехова особенно полезна для драматургов. Чехов — реформатор драмы. Он создал своеобразный жанр психологической пьесы.

Сейчас, в эпоху культурной революции, когда потребности рабочего зрителя не могут удовлетвориться простой «агиткой», а требуют подлинно-художественной пьесы, нельзя быть драматургом без основательного изучения чеховских пьес, их образов, их композиции.

Это не значит, что нужно подражать Чехову, рабственно копируя его манеру письма; но при сознательном и критическом подходе к его идеологии, а равно и стилю, у него можно многому научиться.

Ефим Зозуля

Как я относился к творчеству Чехова до революции?

Считал его писателем исключительной силы, глубины и значимости. Некоторые вещи (напр., «Моя жизнь», «Рассказ неизвестного человека» и многие другие) я читал по 15—20 раз. Рассказы Чехова (упомянутого типа, не мелкие, юмористические) действовали на меня революционизирующе. Я читал их одновременно с социалистической и анархической литературой.

Читал ли произведения Чехова после революции?

Читал. Мне кажется, что он очень немного устарел. Чеховского быта и чеховских типов у нас еще достаточно. Да что чеховских! И гоголевских хватит! Чехов же во многих и многих своих вещах прямо современен.

Нужно ли сейчас продвигать Чехова к массовому читателю?

Нужно. Чехов один из тех писателей, который умеет глубоко заражать читателя ненавистью к мещанству и всякому

застойному быту. Если освободить Чехова от слюнявой плаксивости, которую ему навязали его современники и Художественный театр¹, то Чехов не только будет понятен советскому читателю, но и принесет ему существенную пользу. Для того, чтобы не было ошибочных толкований чеховских вещей, массовые издания его сочинений следует сопровождать критическими статьями и комментариями.

На последний вопрос — какое значение Чехов имеет и должен иметь для современной художественной литературы, ответить трудно. Особенно смущает — «должен иметь».

Конечно, Чехов имеет значение для современной художественной литературы. Его влияние достаточно сильно.

Но «должен» ли он иметь значение (влияние?), — я не знаю.

¹ Я видел недавно «Вишневый сад». Что-то невероятное. Запах кладбища. Если с этой постановки начать знакомиться с творчеством Чехова, — ничего, кроме недоумения и мрачного самочувствия вынести нельзя.

По-моему современная художественная литература должна искать новые формы и вырабатывать новые художественные методы, т. к. ей предстоит художествен-

но отображать явления исключительного порядка и неслыханного значения и масштаба.

Пантелеймон Романов

До революции я смотрел на Чехова, как на самого большого художника эпохи, исключая Толстого. Но великим писателем я никогда его не называл. Чувствовалось, что философски он сам не выше той интеллигенции, которую с таким мастерством изображал. Он был выше ее своим сердцем, своей тонкостью, своим талантом, своей эмоциональностью, но всеобъемлющей силы, уводящей за грань эпохи, у него не было.

Его прозрения в будущее были не философские, а мечтательные.

После революции я много раз перечитывал его, но так как интеллигенции, которая была главным объектом его творчества, почти не осталось, то и содержание его вещей как бы выветрилось. Действительность стала настолько иная, что между ею и творчеством Чехова не находишь почти никакого соприкосновения, за исключением очень немногих вещей.

В массы его продвигать безусловно следует, так как он учит лучше видеть и тоньше чувствовать, но следовало бы выделить избранные вещи, как-то: «Мужики», «Каштанка», «Три года», многие

мелкие рассказы, иначе психология вымершей интеллигенции может оттолкнуть рабочего читателя от писателя.

Для писателей Чехов попрежнему остается одним из высших образцов, у него можно учиться простоте, краткости, жизненности (что критики часто смешивают с мещанством). У него есть величайший дар претворения обыденных мелочей в трагедию или комедию жизни.

Есть два способа художественного преодоления низин жизни: 1) посредством изображения возвышающих моментов, героических и 2) посредством микроскопического исследования самих низин, при условии, если художник сам стоит на большой высоте над этими низинами. Только тогда он имеет в себе критерий для оценки, и этот критерий будет передаваться читателю, и он через художника будет получать тонкость обоняния для различения высокой и низкой пробы в явлениях жизни.

Чехов пользовался этим последним способом, и хотя его критерии для нас уже не являются вполне пригодными, все же его творчество во многом остается для современного писателя высоким образцом.

Борис Кушнер

Вплоть до последнего предвоенного пятилетия Чехов, бесспорно, являлся основной и ведущей фигурой в русской литературе как потому, что он отражал настроения и идеологию большинства буржуазной интеллигенции того времени, так и по исключительной силе и яркости своего мастерства и дарования.

Лишь в последние годы, перед войной, когда развитие капиталистической промышленности в России пошло заметно более ускоренным темпом, обаяние чеховского творчества стало казаться не

столь уже непреложным и всеобъемлющим.

В первые же месяцы войны буржуазная русская интеллигенция предала и продала Чехова и чеховские идеалы так же, как европейская социал-демократия предала идеи социализма и интересы рабочего класса. Обаяние Чехова погибло навсегда, так как никогда уже не сможет возродиться та социальная среда, которая его родила.

Так называемые настроения Чехова были чужды рабочему классу даже в

период расцвета его писательской деятельности. Для современной рабочей молодежи они, разумеется, совершенно непонятны. Однако тип чеховского русского обывателя, пришедшего в русской литературе на смену гоголевского чиновника, далеко еще не исчез из нашей жизни. С ним приходится сталкиваться и на предприятии, и в советском учреждении и в частной жизни. Яркие, неотразимо запоминающиеся рассказы Чехова и сейчас еще могут служить могучим средством разоблачения обывателя во всех его оттенках. Продвижение лучших произведений Чехова, его небольших рассказов к массовому читателю безусловно полезно и целесообразно.

П. Павленко

Чехов был большим писателем и очень хорошим человеком своего времени, но я родился позднее его героев, и мне он уже ничего не говорит своим творчеством.

В детстве, когда писатели делятся на любимых и нелюбимых, Чехов не принадлежал у меня к числу первых. Тогда он мне казался очень скучным писателем.

Позже, в войну, я, кажется, впервые прочел его «Степь» и после нее стал читать все, что попадалось под руку из его вещей, но что именно я тогда прочел, не помню — все выветрилось из памяти, ушло из нее, не обжившись.

А затем — под пером Куприна, Бунина, Короленко, Горького и др. — Чехов стал для меня образом собирательным, литературным, эпохально-«национальным», как Дон-Кихот, как Гамлет или Тиль Уленшпигель.

С воодушевлением поглощал я воспоминания и исследования о нем, и то, что написано о Чехове, мне памятнее того, что написано им самим.

Большинство же его драматических и больших по объему произведений в роде «Дневника лишнего человека» потеряли, разумеется, свое значение, непонятны и не нужны советскому читателю.

Русская литература никогда не знала мастера формы и слова, равного по силе Чехову. Влияние его на нашу литературу в этом отношении гораздо глубже и сильнее, чем обычно принято думать. Ни у одного классика современный молодой советский писатель не может научиться большему, чем у Чехова. Кто никогда Чехова не читал и не знает, тот едва ли сможет достигнуть в своей литературной работе достаточно высокого технического уровня.

Давно уже смешались в моей памяти все его герои, перепутались их горести, развеялись их мечтания и остался от всего один автор — человек большой, редчайшей нежности.

Чехов как образ совершенно необходим нашей литературе. В галлерее ее образов всегда нехватало отличного писателя и благородного человека, восторженно верящего в будущее и умеющего вести писательскую записную книжку.

Книга о нем, изданная в прошлом году по письмам и воспоминаниям, есть не просто книга об Ант. Павл. Чехове, но книга о русском писателе начала XX века, — это роман о писателе, о том, как и чем он жил и как и над чем работал, и ее, эту книгу, надо, улучшая и дополняя, продвигать к массовому читателю.

Самого же Чехова, я думаю, сейчас уже мало кто читает. Очень старый писатель он. Читать его хорошо только писателям, которым у него еще добрых двадцать-тридцать лет можно учиться языку малых литературных форм.

Б. Самсонов

Чехова читал с увлечением до революции и читаю постоянно.

Считаю, что Чехова сейчас нужно продвигать к массовому читателю.

Для современной художественной ли-

тературы Чехов имеет огромное значение. По творчеству Чехова можно изучить людей и жизнь предреволюционной эпохи и научиться литературному мастерству.